

С.А. Фомичев

Тифлис (Тбилиси)

В русских источниках город упоминается впервые в Никоновском списке русской летописи (XII в.) под названием «Тифлиза». Город расположен в живописной местности, раскинувшись амфитеатром по крутым склонам, спускающимся к реке Куре. К центральной части города примыкает гора Мтанминда. В силу выгодного географического положения Тбилиси уже в IV столетии стал значительным городом-крепостью. Сохранилось много легенд об основании города. Среди них наиболее устойчивая гласит, что однажды Вахтанг Горгасали, охотясь в этих окрестностях, подстрелил фазана, который, упав в источник, исцелился. Свойства теплой воды привлекли царя, и он решил сюда перенести свою резиденцию (по грузински «тбили» — теплый). Город неоднократно подвергался нападениям, самым разрушительным из которых оказалось нашествие персидских полчищ под предводительством шаха Ага-Магомет-хана в 1795 году. Следы это разрушения были заметны еще в 1820-х.

В официальной описи 1803 года говорится:

«Первая половина города кругом обнесена стеной, внутри — цитадель с таким же укреплением; вторая половина, называемая авлабар, тоже обнесена каменной стеною с особым укреплением, которое называется метех, обе они разделены на 4 части: Мухранскую, Цавкисскую, Горную и Авлабарскую. В них 3 тыс. домов, жителей разного вероисповедания до 20 тыс. душ, лавок с красным товаром 85, мелочных 63, мастерских 310, с съестными припасами 76 и винных 40».

После присоединения Грузии к России в 1801 году оживляются торговые их связи, центром которых становится Тбилиси. Французский консул Гамба рассказывал:

«Иногда в Тбилиси в один и тот же день приезжают негоданты из Парижа, из Калькутты и Мадраса, армяне из Смирны и Езда и узбеки из Бухары, так что этот город может похвастаться главным узловым пунктом между Европой и Азией».

К 1820-м годам в Тифлисе насчитывалось жителей, по сообщению Гамба, до 30 000, из которых 6000 составляли русские войска и чиновники. С XIX века город начал отстраиваться. В грибоедовские времена его украшали здания европейского типа, площади и скверы, колоритные и экзотические азиатские кварталы. В 1820-е Тбилиси уже был крупным торговым и культурным центром Закавказья.

Грибоедов приехал в столицу Грузии 21 октября 1818 года. В «Письме к издателю» он сообщал:

«...Я уже четвертый месяц, как засел в нем (в Тифлисе), и никто из моих коротких знакомых обо мне не хватился, всеми забыт, ни от кого ни строчки! Стало быть, стоит только заехать на три тысячи верст, чтобы быть как мертвым для прежних друзей! Я не плачу им таким же равнодушием, тем, которых любил, бывши с ними в одном городе; я люблю теперь вспоминать проведенное с ними приятное время, всегда о них думаю».

Вот какой предстала столица Грузии взору Грибоедова:

«На крытых улицах базара промышленность скопляет множество людей, одних для продажи, других для покупок <...>. В караван-сарай привозятся предметы трудолюбия, плоды роскоши, получаемые через Черное море, с которым ныне новое ближайшее открыто сообщение сквозь Имеретию. В окрестностях города виртембергские переселенцы бестревожно обстраиваются <...>. Вечером в порядочных домах танцуют, на саках (террасах) звучат бубны <...>. Между тем город приметно украшается новыми зданиями».

Грибоедов сообщает, что с удивлением прочел в газете «Русский инвалид» сообщение из Константинополя от 26 октября, «будто бы в Грузии произошло возмущение» и комментирует этот ложный слух:

«Возмущение народа не то, что возмущение в театре против дирекции, когда она дает дурной спектакль: оно отзывается во всех концах империи, сколько, впрочем, не обширна наша Россия».

Возможно, появление грибоедовской публикации было инициировано Ермоловым. Он же поручил Грибоедову сделать описание случившемуся здесь землетрясению «для помещения онога в ведомости». Н. Муравьев свидетельствовал:

«Грибоедов написал ужасную штуку: “Куринские льды с ревом поколебались, треснули и стремились к пучине”; тут был и гром, и треск, и стук, и страх, и разбежавшиеся жители, и опустелый город; землетрясение пять минут продолжалось и пр. и пр., и все написано так лживо и так нескладно, что было похоже на *силлогизм человеческого преследования*. Я узнал, что Алексей Петрович премного его благодарил за сие и расхваливал; по отъезде же Грибоедова он приказал Могилевскому (правителю дел гражданской канцелярии) пересочинить все сие сызнова».

Приехав впервые в Тифлис, Грибоедов на время остановился в единственной в то время гостинице, небольшом двухэтажном доме с широким балконом, которую содержал француз Поль (ныне ул. Пушкина, 5; старое здание не сохранилось). При гостинице имелась ресторация-клуб, которую Грибоедов упоминал в своих письмах и дневниковой записи от 5 марта 1822. По приезде в столицу Грузии Грибоедов встретил Якубовича, с которым вскоре состоялась дуэль в окрестностях деревни Куки (Кукиа — ныне часть Тбилиси). Несмотря на принятые меры предосторожности, дело получило огласку. Узнали о нем грибоедовские друзья и в России, которых он поспешил успокоить. 27 января 1819 года Грибоедов писал:

«Объявляю тем, которые во мне принимают участие, что меня здесь чуть было не лишили способности играть на фортепьяно, однако теперь вылечился и опять задаю рулады».

Из-за долгого отсутствия Ермолова, возводившего крепость Грозную на Северном Кавказе, миссия задержалась в Тифлисе до конца января, дожидаясь официальных инструкций. Грибоедов писал:

«Я здесь обжился и смерть не хочется ехать».

«28-го <января 1819 г.> после приятельского завтрака, мы оставили Тифлис; я везде нахожу приятелей <...> дело в том, что многие нас провожали, в том числе Я<кубович>, и жалели, кажется, о моем отъезде <...>. Я поутру обскакал весь город, прощальные визиты...»

Уже с этого времени Тбилиси начал неумолимо тянуть к себе Грибоедова. В феврале 1820 года он писал из Тавриза Рыхлевскому:

«Спешите в Тифлис, не поверите, что за роскошь! В клубе балы, и с масками».

В ноябре 1819 — январе 1820 Грибоедов побывал в Тифлисе, возвратившись из Чечни с отчетом о выводе русских беглых солдат из Персии. В крепости Андреевской тогда Грибоедов просил у «проконсула Кавказа» о переводе из Тавриза в Тифлис судьей или учителем. Но только в конце 1821 года, после перелома руки, он приехал в город для лечения и был оставлен там в качестве секретаря «по иностранной части». Грибоедов поселился на Армянском базаре, на Экзаршеской площади (ныне площадь Ираклия II). В то время Грибоедов работал над поэмой «Странник», о которой сохранил свидетельство Кюхельбекер, и над комедией, носившей в то время заглавие «Горе уму». После отъезда Кюхельбекера из Тифлиса Грибоедов жаловался ему:

«Теперь в поэтических моих занятиях доверяюсь одним стенами, им кое-что читаю изредка свое или чужое, а людям ничего, некому».

В марте 1823 г Грибоедов выезжает в Россию, в длительный отпуск. В Тифлисе он появился только в августе 1826 и скоро становится деятельным помощником нового наместника Кавказа, Паскевича, принимая активное участие в оживлении общественной жизни Тифлиса. 16. апреля 1827 года он просит Булгарина:

«Пришли мне, пожалуйста, статистическое описание, самое подробнейшее, сделанное по новейшей системе, какого-нибудь округа южной Франции, или Германии, или Италии (а именно Тосканской области, коли есть, как края, наиболее возделанного, благоустроенного), на каком хочешь языке, и адресуй в канцелярию главноуправляющего на мое имя. Ты меня очень обяжешь. Я бы извлек из этого таблицу не столь многосложную, но по крайней мере порядочную, которую бы разослал окружным начальникам, с кадрами (графами), которые им надлежит заполнить. А то с этим невежественным чиновным народом век ничего не узнаешь, а сами они ничего знать не будут. Авось теперь, с Божию помощью, употреблю это в пользу».

Подспудно намечался план Российской Закавказской компании, разработанный несколько позже с Завелейским. Начатое же трудами Грибоедова «Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом и в финансовом отношении, произведенное и изданное по высочайшему повелению» в четырех томах было издано в Петербурге в 1836 году и по сию пору остается важнейшим источником для изучения прошлого Кавказа.

В 1827 году Грибоедов дает рекомендации тифлисским гражданским властям «о лучших способах вновь построить Тифлис». Набросок этой записки сохранился в «Черновой тетради»: он начинается подробным описанием исторически сложившихся частей города Тифлиса, за которым, видимо, в окончательном тексте были изложены предложения Грибоедова по их благоустройству. Черновой текст сбивается на конспективное перечисление тех особенностей городской архитектуры, какие следует учесть при работах по благоустройству города, и тех его мест, которые нуждаются в перестройке. В частности, указываются возможные места построения мостов через реку Куру, — возле «армянского монастыря» и «артиллерийского дома»; там они и были построены много времени спустя (ныне мосты имени Бараташвили и Воронцовский). Описывая старую часть города — Кале, Грибоедов объясняет, почему там «перестройка» проводилась с трудом:

«Каждый аршин земли дорого ценится и потому, когда хотели привести в исполнение новые планы, — на всяком шагу нарушали права владельцев и тем возбудили справедливый ропот».

Особенно возмутило жителей Тбилиси разрушение городской крепости, имевшей славную многовековую историю. Разобрав крепостные стены, Ермолов использовал строительный материал при постройке «двухъярусного» тюремного замка в Метехи. Справедливый, по выражению Грибоедова, «ропот» населения при разрушении этого древнейшего архитектурного памятника Грузии был столь силен, что заставил военного губернатора Сипягина распорядиться о принятии строжайших мер, «дабы никто не отважился разрушать остатков крепостной стены в г. Тифлисе и брать оттуда материал для строений». По свидетельству Кюхельбекера о Грибоедове, «он в Москве и Петербурге часто тосковал о кочевьях в горах кавказских <...> где посреди людей, более близких к природе, чуждых европейского жеманства, чувствовал себя счастливым». 12 мая 1827 года Грибоедов писал в путевых заметках:

«Выезжаем из Тифлиса. Вознесенье. В Сейд-Абаде многолюдно и весело. Толпа музыкантов на дереве, при проезде генерала гремят в бубны».

В Тифлисе Грибоедов занимался разносторонней деятельностью: ходатайствовал об открытии училищ для лиц «свободного состояния», многое сделал для выхода в свет газеты «Тифлисские ведомости», для учреждения Коммерческого банка, для развития промышленности, сельского хозяйства, культуры, чем снискал искреннюю признательность представителей передовой грузинской общественности. Первый номер «Тифлис-

ских ведомостей» (одновременно на русском и грузинском языках) вышел 4 июля 1828 года, за два дня до прибытия в Тифлис Грибоедова из Петербурга в ранге полномочного министра при персидском дворе, о чем газета сообщала в № 2. О том, что впоследствии Грибоедов сотрудничал в «Тифлиских ведомостях», служит замечание его в письме к Паскевичу из Тавриза:

«Прилагаю здесь несколько строк для тифлиских газет, коли вы одобрите».

С большой вероятностью из материалов об Иране в «Тифлиских ведомостях» можно выделить лишь две статьи, как принадлежащие, возможно, Грибоедову, это — «Описание Ардебильской мечети» и «Дом царствующего ныне в Персии Фет-Али-шаха Каджарского».

В той части Старого города, которая называлась Мухрантубани (Мухранский квартал), высится одно из самых больших сооружений тбилисской старины, Сионский кафедральный собор Успения Богородицы (или, как его обычно называют тбилисцы, Сиони), который был построен в VI–VII веках. Со времен Грибоедова он внешне мало изменился. Именно в этом соборе 22 августа 1828 года при «большом стечении народа» Грибоедов венчался с Ниной Чавчавадзе. Прошло не так уж много времени, как в том же Сионском соборе 18 июня 1829 года состоялось отпевание Грибоедова, оплакиваемого «всем Тифлисом».

Особенно любил Грибоедов возвышающуюся над городом Мтацминда (Святую гору).

19 июля 1829 года газета «Тифлиские ведомости» сообщила:

«Тело покойного российского полномочного министра в Персии статского советника Грибоедова, привезенное из Тегерана со всеми почестями, приличными сану, в который он был облачен, по выдержанию всех карантинных сроков, 17 июля было привезено из тифлиского карантина в Сионский кафедральный собор, где оно поставлено было на нарочито для сего изготовленный великолепный катафалк. На другой день его превосходительство тифлиский военный губернатор, весь генералитет, военные и гражданские чиновники собрались в соборе. По совершению божественной литургии, его высокопреосвященство экзарх Грузии произнес надгробное слово с исчислением доблести покойника, произвел тем сильнейшее впечатление над слушателями, что сердца всех присутствующих расположены уже были к глубокой печали воспоминанием о горестной потере столь отличного мужа. По окончании обычных обрядов бранные останки Александра Сергеевича Грибоедова, в сопровождении его высокопреосвященства экзарха Грузии и всех присутствующих, отнесены в монастырь Св. Давида и преданы земле согласно с волею, неоднократно объявленной покойником при жизни».

После долгих хлопот вдовы на могиле писателя на горе Мтацминда после 1837 года был воздвигнут надгробный памятник. Впоследствии здесь возник Пантеон Грузии, где покоятся выдающиеся грузинские писатели и поэты.

В 1961 году в Тбилиси воздвигнут памятник Грибоедову (по проекту скульптора М. Мирабишвили).